

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ
В. Д. ДАВЫДОВА.

I.

27 Іюня 1856 года, передъ самою коронаціею Государя Александра II-го, мнѣ пришлось выѣхать изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, съ нѣсколькими знакомыми и въ томъ числѣ съ княземъ Сергіемъ Григорьевичемъ Голицынымъ,

статистики и географіи и обучаютъ юношество Россійской литтературѣ по правиламъ грамматики.

нынѣ умершимъ, котораго всѣ называли Ойрсомъ¹⁾). Это былъ одинъ изъ остроумѣйшихъ и пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ своего времени; Русскій образованный баринъ въ полномъ смыслѣ слова и одинъ изъ такихъ разкашиковъ, какихъ весьма рѣдко можно слышать. Въ то время всѣ умы были заняты только что конченною войною; толковали объ ея неудачахъ, ея причинахъ. Одни взваливали вину на одного, другіе на другаго; такъ было и съ нами сидѣвшими въ одномъ вагонѣ, но разрозненными какъ мыслями, такъ и чувствами. Разговоръ нашъ принялъ къ концу такое серьезное направленіе, рассказы были до того занимательны, что по пріѣздѣ моемъ въ Москву я немедленно записалъ ихъ, спустя нѣсколько времени провѣрилъ ихъ съ дѣйствующими лицами, измѣнилъ нѣкоторыя выраженія по ихъ замѣчаніямъ и нынѣ, по истеченіи 15 лѣтъ, рѣшаюсь предложить на страницы Русскаго Архива эти изустныя преданія, могущія служить и на будущее время мѣриломъ характеровъ и взглядовъ лицъ, игравшихъ въ эту тяжкую годину судьбами человѣческими. Послѣ полного осужденія съ нашей стороны дипломатовъ и начальниковъ, мой вагонный ареопагъ коснулся наконецъ дѣятельности бывшаго нашего посланника въ Парижѣ Николая Дмитріевича Киселева и общимъ хоромъ осуждалъ его за недальновидность и преступное самообольщеніе, въ коемъ онъ якобы обрѣтался, не смотря на то, что долженъ былъ знать какъ Францію, такъ и главнаго виновника войны Императора Наполеона, занимая столько лѣтъ постъ посланника. Долго оспаривалъ насъ общими мѣстами князь Сергій Голицынъ и наконецъ рѣшился разсказать намъ слѣдующее. Этотъ разсказъ, какъ я уже говорилъ, записанъ былъ мною почти въ вагонѣ и былъ провѣренъ

какъ княземъ Голицынымъ, такъ и покойнымъ нынѣ Киселевымъ.

Въ началѣ 1853 г., когда уже совсѣмъ состоялся разрывъ между Россією, Францією и Англією, я пріѣхалъ въ Брюссель проѣздомъ въ Парижъ. Я ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы взять мое семейство и вывезти его изъ Франціи по случаю выѣзда всѣхъ Русскихъ. Въ Брюсселѣ я видѣлъ каждый день нашего посланника гр. Хребтовича, который, будучи въ ежедневной, чтобы не сказать, ежечасной перепискѣ съ Киселевымъ и зная нашу съ нимъ дружбу, далъ ему знать объ моемъ пріѣздѣ въ Брюссель и объ моихъ наміреніяхъ ѣхать въ Парижъ. На это извѣщеніе Киселевъ отвѣчалъ Хребтовичу, что онъ проситъ его посовѣтовать мнѣ не ѣхать прежде его пріѣзда: онъ-де имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто очень важное. Но и для меня было важно ѣхать, и я, не дождавшись его, все таки поѣхалъ и дорогой разѣхался съ Киселевымъ. Эта поѣздка заключаетъ въ себѣ два замѣчательные эпизода, и потому я передамъ вамъ ихъ по порядку. По пріѣздѣ моемъ въ Парижъ я отправился въ Rue Lafitte, въ Hôtel Ротшильда для представленія въ его конторѣ моего кредитива отъ дома Штиглица. Подходя къ дому, я увидѣлъ у подъѣзда конторы шегольской кабріолетъ съ прекрасно одѣтымъ грумомъ и въ ту минуту какъ я, рассматривая экипажъ, собирался спросить грумма, кто его владѣлецъ, я очутился сзади въ объятіяхъ кого-то прижимающаго меня къ сердцу и кричащаго: *cher Firs, depuis quand à Paris et d'où?*

Любезный Ойрсъ, давно ли въ Парижѣ и откуда?

Освободившись, я узналъ барона Зеебаха (нынѣ графа), Саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, женатаго на граф. Нессельроде.

— Depuis le matin et de Pétersbourg, отвѣчалъ я.

Съ нынѣшняго утра и изъ Петербурга.

— Non, je ne vous lâche plus; ma femme est dans une inquiétude terrible: son père ne lui écrit pas, personne ne nous fait

¹⁾ Род. 28 Іюля 1806, ум. въ Ноябрь 1868. — Прозвище Ойрсъ, сколько намъ извѣстно, находилось въ какой-то связи съ 14-мъ Декабря, днемъ памяти св. мученика Ойрса. И. Б.

rien savoir, la guerre est déclarée, enfin vous seul pouvez nous éclairer sur ce qui se passe à S. Pétersbourg.

Нѣтъ я васъ не выпущу, жена моя въ ужасномъ безпокойствѣ; отецъ ея не пишетъ ей, никто насъ ни объ чемъ не извѣщаетъ, война объявлена, вы одни можете насъ прослѣдить на счетъ того что дѣлается въ Петербургѣ.

Все это Зеебахъ сказалъ мнѣ съ чувствомъ; видно было, что эта неизвестность происшествій мучила его серьезно.

— Mon cher Baron, j'aurais été charmé de courir sur le champ chez la Baronne, mais j'ai affaire ici et puis, je n'ai presque pas encore vu ma femme; demain je suis à vos ordres, ainsi qu'à votre disposition, сказалъ я ему.

Любезнѣйшій баронъ, я былъ бы счастливъ немедленно отправиться къ баронессѣ, но у меня здѣсь дѣло; къ тому же я почти не видалъ еще жены; завтра я къ вашимъ услугамъ и подчинюсь вашимъ велѣніямъ.

— Non, non, cela est impossible; il faut que vous voyez ma femme; voyons, dites moi franchement qu'avez vous à faire ici?

Нѣтъ, нѣтъ это невозможно; необходимо, чтобы вы видѣли мою жену; скажите мнѣ откровенно, что вы здѣсь будете дѣлать.

— Mais ni plus, ni moins que de toucher d'argent d'après une lettre de change de Stiglitz sur la maison Rotchild.

Ни больше, ни меньше какъ получить деньги по векселю Штиглица на домъ Ротшильда.

— Alors, allons le voir lui-même, отвѣчалъ Зеебахъ.

Въ такомъ случаѣ пойдемте къ нему самому.

— Mais je ne le connais pas, je n'ai eu jamais affaire à lui.

Я его не знаю, и никогда съ нимъ дѣла не имѣлъ.

— C'est égal; par le temps qui court c'est lui qui est intéressant, mais pas sa banque qui ne croulera certès pas, malgré tout le tremblement de la terre.

Все равно, въ теперешнее время онъ любопытенъ, но не его контора, которая на вѣрное не провалится, не смотря ни на какія сотрясенія земныя.

— Ma foi, cela m'est égal, allons le voir et présentez moi à ce faiseur et défaiseur de fortunes.

Мнѣ все равно, пойдемте къ нему и представьте меня этому дѣлителю и раздѣлителю благосостояній.

Мы отправились. Поднявшись на лестницу и пройдя нѣсколько комнатъ, мы нашли банкира Ротшильда въ большой залѣ, къ которой примыкало нѣсколько дверей. Въ ней находилось человѣкъ сорокъ людей разнаго званія, стоявшихъ полукругомъ около пюпитра, за которымъ работалъ Ротшильдъ. Двери ведущія въ залу безпрестанно то отпирались, то запирались, пропуская то одного, то другаго агента съ извѣстіями объ фондахъ. Смотра по важности донесенія, онъ самъ указывалъ то на одни, то на другія двери и продолжалъ съ видимымъ равнодушіемъ говорить съ окружавшею его толпою. Бар. Зеебахъ подвелъ и представилъ меня. Ротшильдъ поклонился мнѣ и очень вѣжливо спросилъ:

— Depuis quand à Paris, mon Prince.

Давно ли вы въ Парижѣ, князь.

— Depuis le matin, M-r le Baron.

Съ нынѣшняго утра, баронъ.

— Et qu'est ce qu'il y a à vos ordres?

А что къ вашимъ услугамъ?

— J'ai une lettre de credit sur votre maison, monsieur, et j'aurais voulu vous la présenter en tirant sur elle une petite somme. Je vous demande pardon de vous déranger personnellement pour une pareille bagatelle, et de ne pas vous présenter mon passeport, c'est la faute du B. Seebach qui a voulu me faire l'honneur de me faire aboucher avec vous. J'ai toujours eu affaire à votre secrétaire (un tel) qui me connaît beaucoup.

У меня вексель на вашъ домъ, а я желалъ бы получить по нему маленькую сумму. Я прошу у васъ извиненія, что беспокою васъ лично такою бездѣлицею, не представляя вамъ моего паспорта, но это вина барона Зеебаха, который желалъ доставить мнѣ честь лично имѣть съ вами дѣло. Я всегда обращался въ вашему секретарю, онъ меня хорошо знаетъ. Ротшильдъ прервалъ мою рѣчь.

— Qui, nous connaissons cela maintenant: les affaires s'embrouillent, vous voulez voir, si je puis faire honneur à ma signature. Voyons votre lettre?

Да знаю, дѣла запутываются, и вы желаете убѣдиться, до какой степени вѣрна еще моя подпись. Дайте мнѣ вашъ вексель.

— La preuve qui j'y crois, сказалъ я ему, подавая ему кредитивъ, c'est que c'est moi

qui a prié Mr Stiglitz de passer mes fonds sur votre maison.

Доказательство въ томъ, что я ей вѣрю, это то, что я самъ просилъ Штиглица перевести мои фонды на вашъ домъ.

Но онъ мнѣ не далъ кончить, плутовски взглянулъ на меня и, разсматривая вексель, сказалъ мнѣ: Oh, une lettre de crédit illimité, et vous arrivez de S. Pétersbourg! Vous allez voir, mon Prince, comment agit maison Rotchild. Appelez monsieur un tel. Явился какой-то господинъ. Quand le Pr Galitzin voudra bien s'adresser à vous, pour quelque fusse la somme, jusqu'à 2 millions, vous remettrez immédiatement la somme au Prince et vous mettrez par mon ordre.

О! о! вексель на неограниченный кредитъ, и вы изъ Петербурга! Вы увидите, князь, какъ поступаетъ домъ Ротшильда. Позовите такого то. Когда князь Голицынъ пожелаетъ обратиться къ вамъ для какой бы то суммы ни было, до двухъ милліоновъ, вы немедленно выплатите ему эту сумму и напишите по моему приказанію.

— C'est trop d'honneur, M. le Baron, возразилъ я; la somme indiquée par vous est beaucoup trop forte; je n'ai besoin dans le moment que de deux mille francs.

Слишкомъ много чести, баронъ; сумма вами указанная слишкомъ велика, мнѣ въ эту минуту нужно всего двѣ тысячи франковъ.

Онъ снова лукаво взглянулъ на меня и принужденно поклонившись отвѣчалъ: Je maintiens mon ordre, mon Prince.

Я стою въ моемъ приказаніи, князь.

Увидѣвши, что всѣ находящіеся въ залѣ лица обратили на меня вниманіе и обступили меня, Ротшильдъ, по непозвѣстнымъ для меня причинамъ, вдругъ сѣлъ, сложилъ руки на колѣни и нахально-насмѣшливо спросилъ меня: Vous voulez donc nous faire la guerre? Voyons, comment nous la ferez vous.

И такъ вы хотите вести съ нами войну? Ну ка, какъ вы ее поведете?

Этотъ вопросъ былъ такъ неумѣстенъ, такъ странно сдѣланъ; онъ былъ такъ похожъ на вызовъ, для удовлетворенія любопытства присутствующей публики, что, видя наконецъ насмѣшливыя лица слушавшихъ Французовъ сгруппировавшихся около меня, я рѣшился поднять пер-

чатку, брошенную мнѣ Ротшильдомъ. Я хладнокровно подошелъ къ стулу, взялъ его, поставилъ противъ пюпитра, сѣлъ, нарочно посмотрѣлъ внимательно какая нога у него на какой ногѣ, сдѣлалъ также и, скрестивши руки на колѣни какъ и онъ, отвѣчалъ ему: Pardon, M. le Baron, de m'offrir une siège quand vous ne me l'offrez pas; maintenant j'esuis mieux placé pour pouvoir répondre à votre question. Que me faisiez vous l'honneur de me dire?

Простите, баронъ, что я самъ себя далъ сидѣнье, котораго вы мнѣ не предлагаете: въ этомъ положеніи мнѣ гораздо удобнѣе теперь отвѣчать на вашъ вопросъ. Вы сдѣлали мнѣ честь спросить что-то у меня?

— Que vous voulez nous faire la guerre; voyons, comment nous la ferez vous sans paraître Rotchild.

Что вы хотите начать съ нами войну; ну скажите, какъ вы ее предпримите безъ батюшки-Ротшильда?

— Mais comme nous l'avons fait en 1812, M. le Baron.

Какъ мы ее вели въ 1812 году, баронъ.

— Oui, mais vous aviez alors l'Angleterre qui vous donnait des subsides, et maintenant je ne crois pas qu'elle y consente, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Да, но у васъ тогда была Англія, которая вамъ давала деньги въ помощь, а нынѣ я не думаю, чтобы она на это согласилась.

— M. le Baron, n'étant pas versé dans la grave question de finances, je ne saurais la débattre avec vous, mais tout ce que je puis vous répondre, c'est que s'il le faut nous nous suffirons de nouveau à nous même comme alors.

Баронъ, не будучи опытенъ въ важныхъ финансовыхъ вопросахъ, я не чувствую себя въ силахъ обсуждать ихъ съ вами; все что я могу сказать это то, что если будетъ нужно, мы сами сумѣемъ управиться, какъ и тогда.

— Comment cela?

Какъ такъ?

— Mais comme en 1812: chacun de nous, toute la Russie, apportera son dernier sou, le denier de la veuve y passera, et nous tiendrons tête autant que nous pourrons.

Какъ въ 1812 году, всякой изъ насъ, вся Россія принесетъ свой послѣдній грошъ, послѣднія лѣнты вдовиды будетъ дана, и мы будемъ держаться сколько можемъ.

— Mais tout cela est très bien; mais comment vous payerez vous? сказалъ оня.

Все это очень хорошо; но какъ вы себя уплотите?

— Avant de vous répondre, M. le Baron, je vous dirais comment la chose s'est passée alors. Vous savez que pendant cette mémorable campagne la plupart des nobles comme le reste des classes fut à peu près complètement ruiné; la perte de Moscou que vous avez brûlé....

Прежде чѣмъ вамъ отвѣчать, баронъ, я долженъ вамъ разсказать, какъ дѣло это совершилось тогда. Вы знаете, что въ эту достопамятную войну, большая часть дворянства, такъ же какъ и остальные классы, были окончательно разорены; потеря Москвы, которую вы сожгли....

— Ce n'est pas nous: c'est vous qui l'avez brûlé, перебилъ онъ.

Это не мы, а вы ее сожгли.

— Merci, M. le Baron; c'est vous qui l'avez dit; je n'ai pas voulu me vanter. Et bien, après que nous avons brûlé Moscou, beaucoup de monde fut sur le pavé. Cet état de choses durait jusqu'à 1815, quand L'Empereur Alexandre revint de Paris que ni vous, ni nous n'avons brûlé (remarquez bien cela, Baron) pour subvenir autant que possible aux besoins des indigents, il fit circuler dans les arrondissements plusieurs registres pour qu'on y puisse inscrire en vue des secours les demandes au gouvernement, en revanche des pertes essayées; et bien, mr le Baron, cette feuille revint vierge à l'Empereur après deux ans d'invocations infructueuses: voilà comment nous nous payons, M. le Baron.

Благодарю васъ, баронъ, это ваши слова, а не мои, я не хотѣлъ хвастаться. И такъ послѣ того что мы сожгли Москву, много народу осталось въ нищенствѣ. Это безотрадное положеніе продолжалось до 1815 года. Когда Государь Александръ I вернулся изъ Парижа, котораго ни вы, ни мы не жгли, (замѣтьте это, баронъ) чтобы помочь чѣмънибудь несчастнымъ, Государь приказалъ разослать по губерніямъ листы, на которыхъ каждый могъ записаться для полученія помощи отъ правительства въ замѣнъ потеряннаго; эти листы два года гуляли по Россіи и вернулись безъ подписей. Г. баронъ, вотъ какъ мы себя уплачиваемъ.

Не могу вамъ передать, какой эффектъ произвели мои слова; браво! раздалось кругомъ меня. Зеебахъ, не смотря на свое

дипломатическое положеніе, бросился ко мнѣ и, пожмая мнѣ руку, сказалъ: Merci, merci, mon cher Prince, au nom de la noblesse Russe dont vous êtes le noble représentant; ce n'est pas parceque je suis marié à une Russe, que je le fais, mais parceque j'aime votre pays, vous tous, comme si j'étais Russe.

Благодарю, благодарю, любезный князь, отъ имени Русскаго дворянства, котораго вы благороднѣйшій представитель. Это я говорю не отъ того, что женатъ на Русской, но я люблю ваше отечество, васъ, всѣхъ, какъ будто я самъ Русскій.

— Vraiment, отвѣчалъ ему съ усмѣшкою сконфуженный Ротшильдъ: voilà des sentiments qui devront beaucoup plaire à votre gouvernement.

Право, вотъ чувство, которое вѣроятно очень понравится вашему правительству.

Зеебахъ увидѣлъ, что онъ увлекся и отвѣчалъ: Je puis aimer la Russie, mais ne jamais oublier les intérêts de mon pays.

Я могу любить Россію, не забывая интересовъ моего отечества.

— De quel pays veut donc parler monsieur? сказалъ дерзко и нахально Ротшильдъ.

Про какое государство говорите вы?

— Je suis Saxon, mr le Baron, je m'en honore et je m'en flatte.

Я Саксонецъ, баронъ, и этимъ горжусь.

— La Saxe, qu'est ce que c'est cela? отвѣчалъ Ротшильдъ съ сильнымъ презрительнымъ тономъ.

— Саксонія, это что такое?

Разговоръ могъ принять весьма серьезное направленіе, и я поспѣшилъ встать и раскланяться надменному балкиру и уходя, сказалъ сконфуженному Зеебаху: Vous venez, n'est ce pas? Vous savez que j'ai affaire chez votre femme.

Вы, надѣюсь, пойдете: вы знаете, что у меня дѣло до вашей жены.

✱

Въ Парижѣ я видѣлъ поѣздъ Императора въ Сенатъ для объявленія войны и былъ свидѣтелемъ холоднаго привѣта народа на улицахъ, вопреки разсказамъ журналовъ, увѣрившихъ, что клки радости раздавались во всю дорогу. Возвратившись въ Брюссель, я засталъ тамъ Киселева недавно пріѣхавшаго. Я остановился съ нимъ въ одномъ

отель (Hôtel de Bellevue) и, бывши съ нимъ друженъ съ самаго дѣтства, каждый день, чтобы не сказать каждый часъ, говорилъ объ политическихъ произшествіяхъ, занимавшихъ всѣ умы. Киселевъ спросилъ меня что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ. Я признался ему чисто-сердечно, что его упрекаютъ въ неумѣніи замять начинавшееся разногласіе между двумя Дворами и въ недостаточной проницательности характера Наполеона.—Ну слушай же, отвѣчалъ мнѣ на это Киселевъ. Это въ порядкѣ вещей. Тамъ сдѣлали ошибку, сознаться въ ней не хотятъ, жертва нужна, и жертвой выбранъ я. Теперь политическая моя жизнь кончилась, терять нечего. Я знаю, что ты любимъ и уважаемъ въ обществѣ. Я тебѣ расскажу все какъ было; пусть въ вашемъ мнѣніи я не буду слытъ за такого дурака, какъ они вѣроятно хотятъ меня представить. Ну слушай.

Уже послѣ Саторинскаго смотра и Дижонской рѣчи, я писалъ къ графу Нессельроду, прося у него инструкціи, какъ мнѣ поступить въ случаѣ провозглашенія Имперіи, которая быстрыми шагами выдвигалась впередъ. Мнѣ отвѣчали, что это случится не такъ еще скоро, что многія обстоятельства могутъ еще помѣшать этому дѣлу, что время еще терпятъ, и что всегда успѣютъ въ пору меня увѣдомить, какъ тогда поступить; однимъ словомъ, разный вздоръ, въ которомъ однако была видна враждебность, соединенная съ нерѣшительностью. Наконецъ президентъ былъ провозглашенъ Императоромъ. Всѣ Дворы наперерывъ спѣшили признать его; я одинъ не получалъ ни слова. Въ этихъ случаяхъ подагра якорь спасенія. Я надѣлъ бархатные сапоги и намѣренно велѣлъ разглашать объ моей болѣзни. Такъ прошло нѣсколько дней; вдругъ получаю отъ гофмаршала Двора графа Бачіоки приглашеніе на балъ въ Тюльери. Это меня крайне удивило, я терялся въ предположеніяхъ на счетъ этого зова и, зная, что новый императоръ ни-

чего не дѣлаетъ не обдумавши всякаго шага, рѣшился ѣхать. Я бросилъ мои бархатные сапоги, съ ними мою подагру и отправился во дворецъ. Всѣ дипломаты были уже тамъ, когда я пріѣхалъ; всѣ глядѣли на меня съ любопытствомъ, зная, что я не аккредитованъ; положеніе мое было весьма затруднительно. Черезъ нѣкоторое время huissier провозгласилъ L'Empereur, и всѣ эти подлецы, накануне еще республиканцы, всѣ замерли отъ подобострастія, когда Императоръ сталъ подходить къ дипломатическому корпусу. Я, какъ не аккредитованный и чтобы еще болѣе обратить его вниманіе, вышелъ изъ среды моихъ собратій и сталъ къ сторонкѣ. Поговоря съ каждымъ изъ дипломатовъ, онъ какъ будто нечаянно наткнулся на меня и сказалъ мнѣ: Bonjour, mr de Kisseleff, comment va votre goutte?

Здравствуйте, г. Киселевъ, какъ ваша подагра?

— Je l'ai fait taire, sire, pour avoir le bonheur de présenter mes hommages à Votre Majesté.

Я ее заставилъ замолчать, дабы имѣть счастье засвидѣтельствовать мое нѣжайшее почтеніе Вашему Величеству.

— Je crois que de nous tous vous n'êtes pas le moins étonné, m. Kisseleff, de vous voir à ce bal, mais j'ai à vous parler; rendez vous vers l'embrasure de cette fenêtre; dans quelque temps je viendrai y vous trouver.

Я думаю, что изъ насъ всѣхъ вы всего болѣе удивлены, г. Киселевъ, быть на этомъ балѣ, но мнѣ нужно съ вами переговорить; отойдите въ углубленіе этого окна; черезъ нѣкоторое время я подойду къ вамъ.

Я отправился по указанію Наполеона, въ весьма неспокойномъ расположеніи духа и стараясь приготовить весьма затруднительные отвѣты. Императоръ не заставилъ себя долго ждать. Je vous ai fait engager, monsieur, началъ онъ, pour ne pas vous prier de venir chez moi: votre visite aurait pu être interprétée de toutes les façons, non par mes journaux, car j'y aurais mis ordre, mais par les journaux anglais et autres; ainsi c'est ici que je vous parlerai franchement. Voyons, mr Kisseleff, je ne suis pas reconnu par votre

gouvernement, au moment où toutes les autres Cours s'empressent de le faire. Voyons, je ne le suis pas?

Я васъ пригласилъ на балъ, милостивый государь, чтобы не приглашать васъ пожаловать ко мнѣ: ваше посѣщеніе могло быть перетолковано на разные лады, не моими журналами, а бы сумѣлъ съ ними принять мѣры, но журналами Англійскими и другими; здѣсь я хочу съ вами переговорить откровенно. Скажите мнѣ, г. Киселевъ, я не признаю вашимъ правительствомъ въ то время, какъ остальные Дворы непрерывно снѣшать это исполнить. Скажите откровенно, я еще не признаю?

— Сире, je n'ai encore reçu aucune instruction.

Ваше Величество, я еще не получалъ никакихъ инструкцій.

— Repondez moi en gentilhomme et non en diplomate. Vous n'avez encore rien reçu?

Отвѣчайте мнѣ какъ благородный человѣкъ, а не какъ дипломатъ: вы еще ничего не получали?

— Rien, sire, je vous le jure sur l'honneur.

Ничего еще, Ваше Величество: клянусь Вамъ честью.

— Eh bien, j'aime mieux cela, j'aime mieux un silence complet, que des transversations offensantes pour ma dignité. Je vous parlerai franchement, je suis Empereur par la grace de Dieu, du peuple et beaucoup par ma volonté; je le suis donc, monsieur, parceque je suis ambitieux et je le suis très fort; maintenant, en montant sur le trone, j'ai du involontairement me faire un plan de conduite, me prendre une règne quelconque comme base et m'y conformer. Le plus naturel aurait été de rester fidèle aux vucs de mon oncle, mais non seulement que les temps sont changés, ce règne renferme trop de fautes, suite inévitable du système. Savez vous qui j'ai pris pour héros? Votre Empereur. Oui, monsieur, voilà un souverain, qui est le type d'un Empereur de nos jours: digne, fort, loyal arbitre par la force morale des destinées de l'Europe. Voilà celui que je tacherai d'imiter. Je vous dirai plus: de tout temps j'avais un sentiment d'admiration et d'affection, ou plutôt une irresistible attraction vers le souverain qui maintenant répugne de prendre ma main roturière que je lui offre non seulement comme frère, mais comme au héros que je prends pour modèle. Vous voyez, je

ne vous parle pas comme Empereur, je vous dévoile mes sentiments d'homme, ce n'est pour vous que je le fais, m. Kisseleff, je tiens à jouer carte sur table avec votre souverain. Je suis assailli par l'Angleterre d'offres d'alliance, elle a besoin de moi, mais une alliance avec l'Angleterre me répugne. Si je dois le contracter, je verrai partout l'ombre de mon oncle me la reprocher, et personne ne pourra m'y forcer que votre souverain. Je lui offre loyalement, sincèrement une alliance de coeur et de politique; le monde est à nous alors; l'Angleterre aura existé. Mais il faut que cette alliance soit à la vie et à la mort, qu'il me tende la main en frère, et alors la face du monde peut changer. Mais si je ne la trouve pas en lui, alors, comme il m'en faut une, je me jeterai dans les bras de l'Angleterre le coeur serré, mais c'est lui qui l'aura voulu. Redites bien mes paroles, m. Kisseleff, qu'on en pese bien la portée et quand vous aurez une réponse bonne à me donner, présentez vous chez moi même au milieu de la nuit: vous serez reçu avec joie. Maintenant separons nous, vous voyez que nous sommes déjà le point de mire de tous les regards. L'ambassadeur d'Angleterre croit se douter de notre conversation, car il nous devore des yeux. Adieu ou plutôt j'espère encore au revoir et bientôt.

Я лучше люблю полное молчаніе, чѣмъ обидное для моего достоинства колебаніе. Я вамъ буду говорить откровенно: я Императоръ по волѣ Бога, народа, но и по моей волѣ. Я Императоръ, потому что я честолюбивъ, и очень честлюбивъ; нынѣ, вступивъ на престолъ, я долженъ былъ выбрать какое либо царствованіе въ образцѣ, и дѣйствовать согласно съ этимъ даннымъ. Всего свойственнаго было бы мнѣ соображаться съ взглядами моего дяди, но не только времена уже не тѣ, царствованіе это заключаетъ въ себя такую гибель ошибокъ, неминуемое слѣдствіе системы. Знаете ли вы, кого я избралъ себя героемъ? Вашего Государя; да, г. Киселевъ: вотъ это типъ Государя Императора нашихъ временъ, Честный, сильный, благородный властитель по нравственной силѣ судебъ Европы; вотъ кого я выбралъ образцомъ и которому желаю подражать; скажу вамъ, что и прежде я всегда находился подъ вліяніемъ восхищенія и сочувствія неопределимаго, даже влеченія къ монарху, который нынѣ съ отвращеніемъ отталкиваетъ мою плебейскую руку и которому я ее предлагаю не только какъ брату, но

какъ герою взятому мною за образецъ ¹⁾. — Вы видите, я съ вами говорю не какъ Императоръ, но раскрываю мои личныя чувства; это я дѣлаю не для васъ, г. Киселевъ, а для того чтобы откровенно передать мои мысли и чувства вашему Государю. Я заваленъ предложеніями Англіи объ союзъ, онъ ей нуженъ, но союзъ съ Англіею мнѣ отвратителенъ; если мнѣ придется его заключить, я увижу повсюду упрекающую тѣнь моего дяди, и никто меня къ этому не можетъ вынудить какъ вашъ Государь. Я ему предлагаю честно и откровенно союзъ сердца и политики, миръ тогда нашъ. Англіи не будетъ; но для этого мнѣ нужно, чтобы этотъ союзъ былъ на жизни и смерти; я желаю, чтобы онъ по братски протянулъ мнѣ руку, и тогда судьбы вселенной могутъ быть иныя; но если я не найду союза съ нимъ, а мнѣ необходимъ союзъ, я кинусь въ объятія Англіи, съ стѣсненнымъ сердцемъ, но по его винѣ. Передайте хорошенько мои слова, г. Киселевъ, пусть серьезно взвѣсятъ ихъ значеніе, и когда вы получите отвѣтъ, удовлетворительный, явитесь ко мнѣ, даже ночью, вы будете мною приняты съ радостью. Теперь расстанемся; вы видите, что мы обращаемъ на себя всеобщее вниманіе. Англійскій посланникъ думаетъ предугадать нашъ разговоръ и поглощаетъ насъ глазами; прощайте или лучше сказать надѣюсь до скорого свиданія.

Ошеломленный этими замѣчательными, и въ эту минуту быть можетъ искренними словами, я поспѣшилъ домой, дабы немедленно послать курьера съ подробнымъ донесеніемъ, и нашелъ у себя только что пріѣхавшаго Балабина съ депешами. Съ трепещущимъ сердцемъ открылъ я ихъ; въ нихъ было предписаніе немедленно ѣхать къ министру иностранныхъ дѣлъ Друенъ де Люи, и объявить ему, что государь Николай признаетъ Лудовика Наполеона Императоромъ, Наполеона II, а не III, и въ добавокъ присовокупляетъ, что не рѣшается писать ему какъ новому брату (*mon frère*) по той причинѣ, что Наполеонъ, вступая только въ эту священную семью,

не обнаружилъ еще своей политики, и нашъ Государь, какъ старѣйшій и могущественнѣйшій въ родѣ, нѣкоторое время будетъ ему писать *mon cher ami* (любезный другъ). Послѣ моего разговора съ Наполеономъ, я не рѣшился исполнить это предписаніе. Прописавши всю ночь, я отправилъ Балабина обратно въ Петербургъ, чтобы онъ могъ лично объяснить графу Нессельроду всю важность настоящей минуты. Съ лихорадочнымъ трепетомъ ждалъ я отвѣта; онъ послѣ долгихъ дней явился слѣдующій: Государь Императоръ весьма недоволенъ вашими дѣйствіями и предписываетъ вамъ немедленно отправиться къ Друенъ де Люи и объявить ему содержаніе депеши, полученной вами такого-то числа. Я это получилъ вечеромъ и немедленно отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Видно, мое лицо выражало мои чувства; при входѣ моемъ министръ сказалъ мнѣ: *Mauvaises nouvelles, m. Kisseleff*.

Дурныя вѣсти, г. Киселевъ.

Я передалъ ему содержаніе депеши. *C'est malheureux, отвѣчалъ онъ, nous ne pouvons pas vous en vouloir à vous personnellement; c'est une obstination de votre gouvernement d'autant plus malheureuse qu'elle peut lui être fatale. Je vais chez l'Empereur sur le champ.*

Это очень грустно; мы за это не можемъ пенять на васъ лично, но это упрямство вашего правительства тѣмъ печальнѣе, что можетъ быть для него роковымъ. Сейчас отправляюсь къ Императору.

Дальнѣйшія происшествія открыли намъ глаза; но было поздно: союзъ съ Англіею былъ заключенъ на нашу гибель ¹⁾.

II.

Вотъ что я слышалъ отъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, 12 Ноября 1861 года. Онъ уже не былъ тогда

¹⁾ Третій Наполеонъ, какъ и первый, желалъ поступить въ Русскую службу. Существуетъ о томъ письмо его матери Гортензіи къ княгинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Мещерской, сестрѣ военнаго министра князя Чернышева. Николай Павловичъ читалъ это письмо, но не выразилъ желанія имѣть въ Русской службѣ революціоннаго агитатора.

И. Б.

генераль-губернаторомъ въ Москвѣ, а жилъ частнымъ человекомъ въ собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ бывшаго Николая Аполлоновича Волкова. Я привезъ ему однажды прочесть письмо Погодина къ бывшему Министру Народнаго Просвѣщенія Головинну. Послѣ чтенія зашелъ разговоръ объ прежней его службѣ и объ характерѣ покойнаго Государя Александра Павловича, и какъ-то рѣчь коснулась Сперанскаго, и по этому случаю графъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Это было въ 1821 году. Жилъ я въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ въ то время также жили Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и Каподистрія и, по возвращеніи изъ Сибири, Сперанскій. До пріѣзда его, мы трое имѣли обыкновеніе, передъ вечернимъ чаемъ, гулять по парку и почти каждый день встрѣчали Императора, который милостиво удостоивалъ каждого изъ насъ словомъ. По возвращеніи Сперанскаго, онъ, прежде гордый и надменный, сталъ сильно заискивать въ людяхъ, близкихъ къ Императору и потому прикомандировался къ намъ для вечернихъ прогулокъ. Въ то время Государь бывалъ къ нему необычайно милостивъ, и намъ казалось, что прежнія ихъ отношенія могутъ снова возобновиться. Въ одинъ изъ вечеровъ, мы отправились въ паркъ прогуливаться, и съ нами пошелъ Сперанскій. Подходя уже къ нашему дому, мы встрѣтили Государя, который, поклонившись намъ очень милостиво, поговорилъ съ каждымъ изъ насъ нѣсколько секундъ. По возвращеніи ко мнѣ, мы только что успѣли сѣсть около большаго чайнаго стола, какъ вошла къ намъ фрейлина Саблукова, впослѣдствіи княгини Мадатова. Она въ то время не скрывала, что ей очень нравится Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, почти каждый вечеръ навѣщала насъ, и потому появленіе ея нисколько насъ не удивило; однако она обратила наше вниманіе своимъ встревоженнымъ и озабоченнымъ видомъ и, послѣ обычныхъ поклоновъ, сказала мнѣ: „Ар-

сеній Андреевичъ, мнѣ нужно съ вами поговорить на единѣ“. Мы пошли. „Что къ вашимъ услугамъ?“ — „Вы сейчасъ встрѣтили Государя?“ — „Да“ — „Онъ вамъ ничего не говорилъ лично?“ — „Сказалъ нѣсколько словъ.“ — „Я сейчасъ шедши къ вамъ встрѣтилась съ Государемъ, который меня спросилъ, куда я иду и когда узналъ, что къ вамъ, то сказалъ мнѣ: „Скажите отъ меня Закревскому, что я не желалъ бы, чтобы онъ и друзья его гуляли съ Сперанскимъ, даже чтобы они очень сходились. Я сейчасъ объ этомъ говорилъ съ Императрицей“. Съ этихъ поръ мы сами перестали гулять и старались менѣе видѣться съ Сперанскимъ.

Однажды Государь, разговаривая съ графомъ Закревскимъ, сказалъ ему: „Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ отечества, но вина его относилась лично ко мнѣ“.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ В. Д. ДАВЫДОВА *).

III.

Смерть фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича - Забалканскаго въ 1831 году подала поводъ къ разнымъ предположеніямъ и догадкамъ, которыя передавались людскою молвою съ разными доводами, преувеличеніями, и наконецъ съ такими искаженіями истины, что дали возможность Французскому историку Louis Blanc коснуться этого вопроса въ его *Histoire de dix ans* и быть отголоскомъ тогдашняго общественнаго мнѣнія. Случай доставилъ мнѣ возможность выслушать правдивый и безыскусственный рассказъ о смерти фельдмаршала отъ бывшаго его адъютанта Н. Е. П. и тѣмъ возстановить истину. Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ, исторія вступаетъ въ свои права и каждому безпристрастно отдаетъ должное, карая

виновныхъ и оправдывая невинныхъ: людская молва, какъ морская волна, должна разбиться объ утесъ истины и не навязывать грѣховъ лпшнихъ на человечество, уже и безъ того ими богатое. Н. Е. П. разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Главная квартира фельдмаршала находилась тогда въ деревнѣ Клешовѣ, въ 3 верстахъ отъ Пултуска. Графъ Дибичъ уже болѣе недѣли страдалъ разстройствомъ желудка, но упорно скрывалъ болѣзнь свою. Камердинеръ его Арсеній сказалъ объ этомъ адъютантамъ, которые посоветовали ему обратиться къ другу графа, флигель-адъютанту К. В. Чевкину. Онъ спросилъ Арсенія, сколько онъ по вечерамъ наливаетъ въ графинчикъ рому для вечерняго чаю фельдмаршала, и на отвѣтъ что онъ ему ставитъ полный графинчикъ, Чевкинъ приказалъ ему съ того же дня не ставить ему болѣе полграфинчика. Чтобы понять это распоряженіе, надобно знать, что обыкновенно фельдмаршалъ самъ не требовалъ себѣ никакого наиптка, но имѣлъ привычку выпивать все до чиста, что бы передъ нимъ ни поставили. Образъ жизни его былъ слѣдующій. Онъ обѣдалъ въ 12 ч. пополудни и за столомъ, послѣ рюмка водки, пилъ всякое вино, какого бы дурнаго качества оно ни было, такъ называемое *vin du pays*. Вечеромъ, часовъ въ шесть, онъ выпивалъ двѣ чашки пуншу, а за ужиномъ рюмку водки и два - три стакана шампанскаго изъ цѣлой бутылки, которую ставили передъ нимъ. Эта бутылка шампанскаго и была причиною его смерти, какъ думаетъ Н. Е. П., и вотъ по какому случаю. Камердинеръ графа, Арсеній, выпивалъ обыкновенно оставшееся послѣ ужина шампанское изъ горлушка въ другой комнатѣ и дѣлалъ это такъ открыто, что не только адъютанты и другія лица видали это, но самъ фельдмаршалъ неоднократно замѣчалъ эти дѣйствія Арсенія, и молчалъ изъ привязанности къ нему. За нѣсколько дней до смерти графа, Арсеній заболѣлъ, и подкамердинеръ деньщикъ Павелъ, за-

*) См. выше, стр. 0948 и слѣд. Печатавъ эти замѣтки, просимъ читателя не забывать, что это не строгія историческія истины, а только записанные рассказы, въ которые естественно могутъ вкрасться обмолвки и неточности. Рассказъ о гр. Дибичѣ, по просьбѣ нашей, былъ проверенъ тѣмъ лицомъ, отъ котораго онъ записанъ. П. Б.

мѣнявшій его, задумалъ сдѣлать тоже самое съ оставшимся шампанскимъ, но такъ неудачно, что графъ Дибичъ увидѣлъ и весьма разсердился; призвавъ завѣдующаго его хозяйствомъ, полковника Сакса, онъ сталъ ему выговаривать, какъ смѣлъ денщикъ Павелъ пить его шампанское какъ камердинеръ его Арсеній, прибавивши, что есть дѣйствіи, которыя можно спустить одному, не дозволяя этого другому. Полковникъ Саксъ, побранивши Павла, приказалъ на другой день поставить фельдмаршалу непитую бутылку шампанскаго; разумѣется оставшееся вино выдохлось и прокисло. Въ это самое утро пріѣхалъ въ главную квартиру генераль-адъютантъ графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ, отъ имени Государя, чтобы приготовить фельдмаршала къ тому, что графъ Паскевичъ вызванъ изъ Грузіи, и что Его Величество недоволенъ медленностію и нерѣшительностію дѣла¹⁾. Это извѣстіе очень встревожило графа Дибича. Графъ Орловъ обѣдалъ въ этотъ день у него и не выдалъ его уже болѣе. Къ вечеру, какъ только фельдмаршалъ за ужиномъ, за которымъ онъ всегда бывалъ одинъ, выпилъ оставшееся шампанское, у него почти немедленно открылась къ 11 часамъ ночи самая сильная холера съ корчами. Немедленно дали объ томъ знать адъютантамъ, и всѣ собрались на квартиру главнокомандующаго. Графа Дибича лечилъ генераль-штабъ-докторъ арміи Иванъ Богдановичъ Шлегель и, не смотря на всѣ употребленныя имъ

медицинскія мѣры, графъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ около 6 ч. утра. Тѣло его повезли въ Россію черезъ Пруссію, сопровождаемое всѣми его адъютантами подъ командою флигель-адъютанта полковника князя Петра Ивановича Трубецкаго, съ конвоемъ отъ Кираспрскаго принца Алберта полка подъ командою флигель-адъютанта барона Мейндорфа, и моремъ оно было доставлено въ Петербургъ.

Тотъ же Н. Е. П—ъ повторялъ мнѣ неоднократно, что, не смотря на привычку графа Дибича пить много вина и пунша, онъ П., въ продолженіи 3-хъ кампаній, въ которыхъ онъ служилъ при немъ адъютантомъ, разъ только видѣлъ его въ разгоряченномъ отъ вина состояніи, и вотъ по какому случаю.

Во время перехода черезъ Балканскія горы, когда армія достигла Эминедага, высшей точки горъ, передъ нею открылся видъ на Черное море и на нашъ флотъ, стоявшій на якорѣ у порта Меземвріи, недалеко отъ Бургаса. Какъ только зачернѣлись высоты горъ отъ появленія арміи, адм. Грейгъ, командовавшій флотомъ, послалъ своего адъютанта поздравить фельдмаршала съ необычнымъ событіемъ, съ новыми лаврами для него и для арміи и пригласить его откушать на стопушечный корабль Парижъ. Графъ Дибичъ согласился и велѣлъ съ собою ѣхать начальнику главнаго штаба графу Толю, дежурному генералу Обручеву, адъютантамъ Панину, Андрю и другимъ, и фл.-адъютантамъ кн. Трубецкому и Чевкину. У берега стоялъ разукрашенный катеръ съ красиво одѣтыми гребцами и съ однимъ изъ адъютантовъ Грейга на руль. Ударили весла, и начался салютъ со всѣхъ кораблей. Въ дыму пушечномъ, при оглушающей пальбѣ орудій и крикахъ ура, подѣхалъ фельдмаршалъ Дибичъ къ кораблю Парижъ. Столъ богатоубранный и сервированный болѣе чѣмъ на 50 челов. былъ накрытъ на просторной каютъ-палубѣ, и всѣ бывшіе, не выдавшіе болѣе года тако-го пиршества, усталые и голодные отъ

¹⁾ По свидѣтельству лица, близко знавшаго графа Дибича и принимавшаго участіе въ войнахъ Турецкой и Польской, графъ Дибичъ былъ удивителенъ въ начертаніяхъ военныхъ дѣйствій и въ соображеніяхъ тактическихъ, требовавшихъ кабинетной работы; но за то „не умѣлъ водить и не умѣлъ кормить солдатъ“. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга изъ Польскую войну, онъ выражалъ Государю полную уверенность въ скоромъ потушеніи мятежа; неудачи разумѣется раздражали его. Надо напомнить еще, что не за долго до того гр. Дибичъ схоронилъ нѣжно любимую жену свою. П. Б.

похода, устѣлись за столъ съ сплннымъ намѣреніемъ крѣпко покушать, но еще крѣпче выпить въ честь такого торжества. Радушный хозяинъ потчивалъ и не жалѣя подливалъ всѣхъ возможныхъ винъ графу Дибичу. Тотъ выпивалъ каждую рюмку залпомъ и по своей привычкѣ откидывалъ голову назадъ, поправляя свои густые волосы. Это угощеніе онъ бы выдержалъ, не смотря на количество и разнообразіе выпитыхъ винъ; но послѣ обѣда лакей принесъ огромный подносъ уставленный стаканами съ грокомъ весьма крѣпкимъ, и адмиралъ почтительно объявилъ, что, по обычаю флота, онъ проситъ всѣхъ откушать гроку, ибо безъ этого по морскому закону никто не можетъ сойти съ корабля. Фельдмаршалъ, выпивши гроку, дѣйствительно ослабѣлъ, такъ что всѣ находившіеся при немъ и самъ адмиралъ нѣсколько сконфузились, опасаясь, чтобы фельдмаршалу не сдѣлалось дурно. Къ тому же пришло въ голову, что сходъ съ корабля по лѣстницѣ весьма затруднителенъ, особенно взявъ во вниманіе, что графъ Дибичъ былъ малъ ростомъ, толстъ, съ короткими и большими ногами, всегда въ калошахъ. Поэтому ген. Обручевъ подошелъ къ Панину и предложилъ ему дать руку фельдмаршалу. На это Панинъ отвѣчалъ ему: „Не угодно ли вашему превосходительству самому подать ему руку; и же безъ приказанія фельдмаршала не смѣю этаго сдѣлать“. Въ это время графъ Дибичъ, взглянувъ въ сторону, примѣтилъ Панина и кивнулъ ему головою. Когда тотъ подошелъ, онъ ему сказалъ: *mon cher, donnez moi votre bras* (любезный другъ, дайте мнѣ руку). Панинъ былъ при палашѣ, въ шпорахъ; кромѣ того долженъ былъ сходить задомъ съ трапа, держать и палаша и графа и держаться за поручень; но молодость, сила и безконечная любовь и привязанность его къ добрыйшему и великодушному фельдмаршалу, помогли сойти благополучно и перебраться въ катеръ. Тамъ фельдмаршала разобрано желаніе

подѣзжать то ко одному кораблю, то къ другому, и каждый пѣзъ этихъ великановъ при появленіи его салютовалъ ему изъ всѣхъ бортовъ. Наконецъ прибыли къ берегу. Всѣ думали, что графа будутъ ожидать дрожки, но его ждала верховая лошадь. Графъ былъ по его тѣлосложенію весьма плохой ѣздокъ, а потому всегда съ трудомъ садился и слѣзалъ съ лошади; но и здѣсь, какъ почти и всегда, Панинъ, ѣхавшій рядомъ, поддерживалъ его, при переѣздѣ чрезъ неровныя мѣста. И такимъ образомъ добрались благополучно до фельдмаршальской ставки.

Н. Е. П. прибавляетъ, что фельдмаршалъ былъ до крайности вспыльчивъ, но, взамѣнъ сего, добръ и великодушенъ неимоვნно. Бывало, расквититесь „подъ арестъ, на гаубвахту, подъ судъ, разстрѣлять“ и всегда съ послѣднимъ словомъ уйдетъ въ палатку или въ кабинетъ, захлопнетъ сильно двери. Адъютанты при семъ случаѣ, бывало, стоятъ съ поникшими головами и съ потупленными взорами, зная напередъ, что буря благополучно разрѣшится. И дѣйствительно не пройдетъ и пяти минутъ, какъ фельдмаршалъ выходитъ совершенно успокоившійся и всегда прямо къ дежурному адъютанту: — „Сходите и скажите, что я приказалъ арестованному отдать шпагу и скажите ему, что онъ свободенъ“. Н. Е. П.-ъ считаетъ самымъ счастливымъ временемъ всей своей службы то время, когда онъ состоялъ при столь великодушномъ, добрыйшемъ и высокихъ чувствъ фельдмаршалѣ, который, при блистательныхъ его успѣхахъ и обширнѣйшихъ полномочіяхъ, никого не обидѣлъ и никого не сдѣлалъ несчастнымъ.

IV.

Графъ Дибичъ въ 1828 г., принявши армію отъ фельд. кн. Витгенштейна, одержалъ, какъ извѣстно, блистательную побѣду подъ Кулевчею. Князь П. И. Тр., бывший его адъютантомъ, былъ посланъ

съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ къ Государю Николаю Павловичу, находившемуся въ то время въ Варшавѣ, и рассказалъ мнѣ подробности этой побѣды. Послѣ сраженія, къ вечеру, графъ Дибичъ, весьма довольный столь легкой побѣдой, доставившей ему огромные трофеи, ходилъ передъ своей палаткою и самодовольно напѣвалъ какія-то аріи; толпа адъютантовъ и ординарцевъ стояла въ почтительномъ разстояніи и весело припоминала эпизоды и исходъ сраженія. Графъ Дибичъ, проходя мимо нихъ, упдалъ кн. Тр., подозвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что онъ его посылаетъ курьеромъ къ Государю, при чемъ добавилъ, что онъ желаетъ, чтобы князь захватилъ къ кн. Витгенштейну, дабы передать ему, что фельдмаршалъ обязанъ ему этою побѣдою, отъ блистательнаго состоянія арміи, которую онъ отъ него получилъ. Кн. Тр. поскакалъ и остановился на нѣсколько минутъ у своего тестя въ деревнѣ Каменкѣ (Каменецъ-Подольской губерніи) для передачи приказанія графа Дибича, немедленно полетѣлъ далѣе и уже на другой день обѣдалъ въ Тульчинѣ у Николая Ивановича Депрерадовича, который командовалъ гвардейскимъ корпусомъ, за отъѣздомъ въ Варшаву Великаго Князя Михаила Павловича. Во время обѣда, начальникъ штаба генералъ Нейдгартъ, желая извѣстить Вел. Князя Михаила Павловича объ привезенной кн. Тр. побѣдѣ, снарядилъ отъ себя эстафету, и только поспѣшность князя Тр. спасла его отъ непріятнаго положенія видѣть, что это дорогое извѣстіе передано другимъ раньше его. Князь Тр. поѣхалъ по другой дорогѣ, 75-ю верстами короче, на перекресткѣ нагналъ фельдгегеря, который везъ эстафету, именемъ главнокомандующаго остановилъ его и приказалъ ѣхать за собою. Онъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, явился къ гр. Владимиру Оедоровичу Адлербергу, который объявилъ ему, что онъ тѣмъ болѣе радостный вѣстникъ, что Государь очень опечаленъ бездѣйствіемъ арміи, неудачею нашего

флота и волненіемъ умовъ въ Польшѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ повелъ его къ Государю. Когда кн. Тр. вошелъ, Государь сидѣлъ за столомъ и писалъ. При первыхъ словахъ гр. Адлерберга, онъ вскочилъ и бросился на колѣни передъ образомъ; помолившись недолго, всталъ, кинулся на шею кн. Тр. и прерывающимся, взволнованнымъ голосомъ сказалъ ему: „Поздравляю флигель-адъютантомъ“, и потомъ прибавилъ: „и полковникомъ“. Онъ сталъ его разспрашивать объ побѣдѣ, и когда князь сдѣлалъ движеніе, чтобы вынуть депеши изъ сумки, Государь перебилъ его и сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, не здѣсь, ты сейчасъ поѣдешь со мною къ Цесаревичу.“ Подали дрожки, и Императоръ, посадивши съ собою кн. Тр., повезъ въ Бельведерскій дворецъ. Жители Варшавы съ изумленіемъ смотрѣли на громадную фигуру Императора, черезъ весь городъ ѣхавшую съ молодымъ, малолетнимъ княземъ Тр-мъ. Волненіе въ умахъ въ Польшѣ было въ то время сильное. Поляки ждали только какого-нибудь пораженія или невзгоды для нашего оружія, чтобы подняться, и потому побѣда Государя съ курьеромъ немедленно разнеслась по городу. Великій Князь Константинъ въ то время только что вернулся съ ученія и въ холстинномъ халатѣ отдыхалъ; при извѣстіи объ пріѣздѣ Государя, онъ поспѣшно одѣлся и встрѣтилъ его. Императоръ вытянулся передъ братомъ, и торжественнымъ, подначальнымъ голосомъ произнесъ: „Имѣю счастье донести Вашему Императорскому Высочеству о радостномъ извѣстіи“, поздравилъ его съ побѣдою и тутъ же представилъ ему своего новаго флигель-адъютанта. Они вошли въ кабинетъ и потребовали отъ князя Тр. депеши. Въ тотъ же день былъ посланъ въ Берлинъ, гдѣ находилась Императрица Александра Оедоровна, флигель-адъютантъ гр. Кушелевъ съ этимъ извѣстіемъ (такъ какъ Государь думалъ, что кн. Тр. утомился отъ дороги), а къ вечеру кн. Тр. снова потребованъ къ Государю. Онъ засталъ Императора за чаемъ. Онъ, милостиво предложивши ему чаш-

ку, сталъ разспрашивать его объ разныхъ подробностяхъ, объявилъ, почему не посылаетъ его дальше въ Берлинъ и наконецъ спросилъ его: „Скажи мнѣ откровенно, въ какихъ отношеніяхъ находится фельдмаршалъ съ гр. Толемъ“. По счастью въ то время они жили довольно согласно, и кн. Тр. могъ этимъ обрадовать Государя. Послѣ довольно долгаго разговора, Императоръ приказалъ кн. Тр. возвратиться въ армію. За побѣду подъ Кулевчею графу Дибичу данъ орденъ С. Георгія 1-й степени.

По рассказамъ князя Тр. объ командованіи арміею кн. Витгенштейномъ, видно, что присутствіе Императора весьма стѣсняло главнокомандующаго, не смотря на желаніе Государя быть не распорядителемъ, а только зрителемъ кампаніи. Весь дипломатическій корпусъ, со всѣми послами, сопровождалъ главную квартиру. Былъ составленъ военный совѣтъ изъ генераловъ Жюмيين, Довре, Васильчикова, кн. Щербатова и начальника главного штаба П. Д. Киселева. Оттуда шли приказанія, часто сбивчивые и противорѣчивые; тамъ сочинялись этими стратегиками планы кампаній, исполнителемъ которыхъ долженъ былъ быть кн. Витгенштейнъ, большею частію не соглашавшійся съ ними и не бывшій въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ начальникомъ своего штаба генераломъ Киселевымъ. Все это производило безпорядки, лишало армію единства дѣйствія и дѣйствовало пагубно на ходъ кампаніи. Во время осады Варны, гдѣ находится самъ Императоръ на кораблѣ Парижъ, кн. Витгенштейнъ былъ оставленъ подъ Шумлою. Узнавши, что Государь возвращается въ Россію, фельдмаршалъ послалъ князя Тр. предупредить графа Дибича, что онъ

ѣдетъ проводить Императора и получить дальнѣйшіе приказанія. Графъ Дибичъ, увидѣвши кн. Тр., сказалъ, чтобъ онъ успѣшилъ возвратиться и остановить пріѣздъ кн. Витгенштейна по той причинѣ, что Государь, сѣдша къ пмянникамъ Императрицы Маріи Феодоровны, не можетъ дожидаться фельдмаршала, причемъ передалъ ему рескриптъ, въ которомъ было объявлено, что Государь вручаетъ кн. Витгенштейну продолженіе зимней кампаніи. Рескриптъ хотя былъ написанъ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, но главнокомандующій ясно увидалъ немилость къ нему Государя. Онъ въ первую минуту, по пріѣздѣ въ Варну, былъ глубоко опечаленъ отъѣздомъ Государя, чувствуя, что онъ вполне оплетенъ интригами и погубленъ въ его мнѣніи. Одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія противъ фельдмаршала была та, что князь не рѣшался перейти Балканы, безъ прибытія резервовъ изъ Россіи, на что въ послѣдствіи рѣшился графъ Дибичъ. Одно обстоятельство еще болѣе огорчало кн. Витгенштейна. Это то, что сынъ его, флигель-адъютантъ князь Людвигъ, почти на канунѣ отъѣзда Государева, былъ уволенъ въ отставку безъ его просьбы, во время войны, по навѣтамъ его враговъ, представившихъ превратно Государю желаніе молодаго князя временно оставить армію для свиданія съ женою, урожденною кн. Радзивилъ. Всѣ эти огорченія сдѣлали то, что князь Витгенштейнъ тутъ же хотѣлъ сложить съ себя командованіе арміею, но мольбы князя Тр. съ трудомъ успокоили раздраженнаго старика, и только весною 1829 г. онъ сдалъ армію графу Дибичу.

Князь Витгенштейнъ умеръ на дорогѣ въ Львовъ на первой станціи, пробѣздомъ за границу, въ 1835 году 15 Іюля.

Поправка къ стр. 451-й, строки 12 и 13 снизу: «31 Іюля 1812 получилъ Георгія 3-й степени въ чинѣ подполковника»; и ниже «16 Октября 1812»; а упомянутый на той же стр. генералъ не Граббе, а Гарпе.